

**Интимный дневник шевалье де Корберона,
французского дипломата при дворе
Екатерины II**

УДК 304
ББК 60.5
И73

И73 Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 274 с.

ISBN 978-5-4241-6989-2

ISBN 978-5-4241-6989-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Дневникъ шевадье де-Корберона

1775 годъ.

Съ 14 по 20 іюля.

Мы *) выѣхали изъ Дрездена въ часть ночи, причеиъ пришлось вновь упаковывать вещи, распакованныя только на одинъ день. Очень жалѣли, что не могли остаться подольше. Ночь была лунная. Я сидѣлъ въ английской каретѣ съ маркизомъ. Желая завязать съ нимъ политическій разговоръ, я сталъ говорить о торговлѣ Россіи съ Англіей и о преимуществахъ, которыми пользуется послѣдняя по сравненію съ нами. Маркизь отвѣчалъ неопредѣленно, какъ человекъ, желающій скрыть свое мнѣніе или не успѣвшій себѣ его оставить; можетъ быть даже то и другое вмѣстѣ. Затѣиъ мы стали говорить о посланникахъ короля при разныхъ дворахъ, причеиъ маркизь хорошо отзывался только о двухъ: о баронѣ де-Бретейлѣ и графѣ Монморейлѣ. Замѣчательно, что маркизь де-Жюинье хвалитъ именно тѣхъ лицъ, которые дурно объ немъ отзываються: де-Бретейля, открыто говорившаго въ Вѣнѣ, что маркизь ни на что не способенъ, и графа Барбансона, который хотя и не былъ посланникомъ, но, по мнѣнію маркиза, больше всѣхъ другихъ способенъ быть таковымъ.

Съ этого дня мы ѣхали не останавливаясь до самой Варшавы, такъ что ничего почти не могли видѣть. Проѣхали мы черезъ Бунцлау, гдѣ подвергались таможенному осмотру прусскихъ властей. Я мимоходомъ замѣтилъ, что прусскія таможи не строже прочихъ и что съ помощью денегъ да нѣкоторой ловкости отъ нихъ можно

благополучно отдѣлаться. Въ Бреславлѣ, гдѣ чинились наши экипажи, мнѣ удалось заснуть часа два на кровати, хотя и не раздвываясь. Въ этомъ городѣ мы видѣли много французовъ, взятыхъ въ плѣнъ во время послѣдней войны. Они очень скучаютъ по родинѣ и стремятся вернуться.

Изъ Бреславля путь идетъ на Вартенбергъ, гдѣ лежитъ граница между Пруссіей и Польшей. По дорогѣ къ Наравичу (Nagawicz) мы провели очень утомительную ночь. Почта тамъ ходитъ на заморенныхъ еврейскихъ клячахъ. Эти несчастныя животныя все время тащили насъ шагомъ, тѣиъ болѣе что дорога идетъ лѣсомъ и ночь была настолько темна, что намъ пришлось зажечь факелы изъ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей. Горятъ они очень ярко и мы устроили изъ нихъ, ради удовольствія, очень красивую иллюминацію. Но эта ужасная ночь все же насъ утомила. Часа въ четыре утра, мы пріѣхали въ Вельжи (Wielgie), а оттуда, черезъ Черновицы, пробрались въ Варшаву.

Ужасная страна! Ели да песокъ. Городами тамъ называются простыя деревушки, состоящія изъ деревянныхъ хибарокъ, прокопченныхъ дымомъ и покрытыхъ пылью, что, кромѣ убожества, придаетъ имъ видъ крайней нечистоплотности. Обыватели, по большинству евреи, дополняютъ печальную картину, тѣиъ болѣе что, не смотря на бѣдность и гнетъ, въ которыхъ живутъ, они повидимому не чувствуютъ своего несчастія: рабы, нищіе, а между тѣиъ кажутся довольными. Привычка скрашиваеть, должно быть, ужасъ невольничества, но она за то унижаетъ

*) То есть авторъ «Дневника», съ маркизомъ де-Жюинье, маркизомъ Понсегронъ (вторымъ секретаремъ), аббатомъ Дефоржемъ и другими членами посольства.

людей, лишаетъ ихъ характера. Наши служители били этихъ несчастныхъ, что однакожь заставляло ихъ только смѣяться да удваивать свое усердіе. Но въ то-же время они не упустили случая украсть у насъ, что могли. Мнѣ кажется ударъ палкой и мелкая монета производятъ на нихъ одинаковое впечатлѣніе; они одинаково сѣются и одинаково благодарятъ за то и за другое Души ихъ, угнетенныя продолжительнымъ рабствомъ, потеряли уже способность чувствовать оскорбленіе. Удивительно ли послѣ этого, что люди, настолько лишенные понятія о своихъ правахъ, могутъ подчиняться первой попавшейся силѣ?

Къ такимъ печальнымъ философскимъ выводамъ привела меня, между прочимъ, одна тяжелая сцена, которой я былъ свидѣтелемъ. Мы были въ Равѣ (Rava), небольшомъ городкѣ, больше похожемъ на деревню. Желая дать лошадямъ отдыхъ, мы пробыли тамъ около трехъ часовъ. Во время обѣда, одна изъ служившихъ намъ дѣвушекъ разбила тарелку, стоящую не болѣе четырехъ или пяти польскихъ флориновъ, то есть одно эку. Хозяйка гостинницы побила эту несчастную и кромѣ того приговорила ее къ уплатѣ стоимости разбитой тарелки. Надо знать, какое ничтожное жалованье получаетъ польская прислуга, чтобы понять горе дѣвушки; она пришла къ намъ заливаясь слезами, такъ что всѣ мы были тронуты. Маркизь де-Жюинье тотчасъ же рѣшился заплатить за тарелку, и когда аббатъ *), по его приказанію, передалъ дѣвушкѣ деньги, то я помню, какая переменѣна произошла въ выраженіи ея лица: радость и удивленіе сдѣлали ее неподвижной. Но скоро она пришла въ себя и, бросившись къ ногамъ маркиза, стала со слезами цѣловать его руки. „Чѣмъ я заслужила такую милость со стороны этого добраго господина?“ говорила она. Самъ маркизь прослезился, но у меня слезы не пошли въ виду слѣдующаго соображенія: „Этотъ человекъ, по природѣ, добръ“ — думалъ я — „и

остался бы добрымъ, если бы не былъ скупъ. Вотъ онъ теперь заплатилъ эку, чтобы доставить своей душѣ, радость, а лундора то, пожалуй, для такой цѣли не пожертвовалъ бы“.

Только что я это подумалъ, какъ въ комнату вошла маленькая депутація отъ мѣстныхъ школъ, въ лицѣ трехъ монаховъ, принесшихъ на поклонъ Его Превосходительству корзину съ грушами и сказавшихъ привѣтственную рѣчь на плохомъ латинскомъ языкѣ. Маркизь вышелъ изъ этого испытанія не съ такимъ блескомъ какъ изъ предъидущаго. Попробовавъ груши и задавъ монахамъ нѣсколько пустыхъ вопросовъ, онъ сталъ пить кофе, даже не предложивъ его имъ, такъ что депутаты принуждены были уйти съ пустыми руками. Это меня очень огорчило; да и не меня одного. Я вспомнилъ о своемъ соображеніи и нашелъ его вполне справедливымъ.

Четвергъ, 20.

Въ Варшаву мы прибыли въ десять часовъ утра, и часа два должны были ожидать, пока намъ найдутъ недорогое помѣщеніе, такъ какъ маркизь, по экономическимъ соображеніямъ, заранѣе позаботился только объ одномъ себѣ. Въ концѣ концовъ мы помѣстились въ домъ герцога Карла Курляндскаго, котораго въ это время въ Варшавѣ не было. Управляющій его уступилъ намъ нѣсколько комнатъ. Надо замѣтить, что тѣмъ, кто ѣдетъ въ Польшу, слѣдовало бы заранѣе запасаться квартирою, такъ какъ польскіе магнаты относятся гостеприимно только къ своимъ знакомымъ и друзьямъ, а гостинницъ очень мало и онѣ дороги. За помѣщеніе нашей компаніи, на примѣръ, съ маркиза просили сто дукатовъ въ день; какъ мы ни торговались—ничего не помогло и, если бы не управляющій герцога Курляндскаго, намъ пришлось бы плохо.

Что касается самаго маркиза, то другъ его, великій гетманъ (Grand-général) Литовскій, графъ Огинскій, прислалъ своего адъютанта, барона Гейкинга, съ предложеніемъ помѣститься у него (на что маркизь и расчитывалъ).

*) Дефоржъ, капелланъ маркиза де-Жюинье, сопровождавшій его въ Россію.

Мы съ Пюнсегюромъ пошли прогуляться по городу, а потомъ отправились въ театръ, гдѣ давалась опера-буффъ, *Le Chevalier de la Vieille-Roche*, доставившая мнѣ большое удовольствіе. Возвратившись домой, мы нашли приглашеніе графа Огинскаго остановиться у него, чѣмъ тотчасъ же и воспользовались. Маркизъ представилъ насъ, съ обычной для него неловкостью. Наконецъ то мы получили то, чего такъ долго были лишены: хорошій ужинъ и хорошую постель; за то и выспались какъ слѣдуетъ.

Пятница, 21.

У меня сегодня были съ визитомъ очень многіе и между прочимъ Гейкингъ, котораго я нашелъ человѣкомъ, умнымъ и не лишѣннымъ философскихъ идей. За обѣдомъ приеутствовали двѣ дамы, которыя мнѣ показались весьма милыми. Одну изъ нихъ называли старостихой (*starostica*), потому что мужъ ея былъ староста, то есть губернаторъ. Это—молодая женщина, лѣтъ двадцати, съ фигурой, достойной Роксоланы. Пюнсегюръ тотчасъ же пристроился къ ней въ роли Сулеймана. Другую даму называли подскарбиной (*podskarbina*), что значитъ—жена казначея; настоящихъ именъ этихъ дамъ я не знаю. Последняя была настолько же нѣжна и деликатна, насколько первая бойка и кокетлива. Говорили, что она очень добродѣтельна и холодна. Эти два эпитета въ Польшѣ всегда совмѣщаются, потому что въ этой странѣ большинство женщинъ очень соблазнительны и легко доступны. Жаль только, что главнымъ условіемъ нѣжныхъ отношеній тамъ часто является золото. Поэтому страсти въ Польшѣ такъ же рѣдки, какъ и сложныя интриги. Тамъ не любятъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, а сговариваются. Старостиха слыла тогда фавориткой графа Огинскаго; выйдя два года тому назадъ замужъ за старосту, которому было запрещено пользоваться супружескими правами, она черезъ нѣсколько времени разошлась съ нимъ и въ ранней молодости стала пользоваться свободой и прерогативами вдовы.

Суббота, 22.

Утромъ я былъ у гетмана; это очень любезный человѣкъ, по вкусу и по привычкѣ посвятившій себя свободнымъ искусствамъ, къ которымъ онъ очень способенъ, особенно къ страстно любимой имъ музыкѣ. Онъ очень хорошо играетъ на скрипкѣ, на кларнетѣ, на клавесинѣ, на арфѣ и на гармоникѣ. Мнѣ онъ рассказывалъ объ арфѣ, которую изобрѣлъ и къ которой будетъ приспособлена флейта. Теперь онъ сочиняетъ оперу на польскомъ языкѣ, очень къ тому пригодномъ; я съ удовольствіемъ прослушалъ одинъ пассажъ изъ этой оперы. Характеръ графа Огинскаго проявляется во всѣхъ его поступкахъ не столько энергичнымъ, сколько нѣжнымъ и мягко-чувственнымъ. Этимъ объясняется оклонность его къ частной жизни и къ музыкѣ. Онъ былъ бы болѣе умѣстенъ въ монархіи, чѣмъ въ республикѣ; поэтому то конфедераты, какъ мнѣ кажется, болѣе вѣрятъ въ окружающихъ его лицъ, чѣмъ въ него самого. На дѣлѣ имъ руководитъ графъ Коминскій, человѣкъ тонкій, развязный, обладающій дѣльнымъ, повелительнымъ характеромъ.

Передъ обѣдомъ мы сдѣлали визитъ вице-канцлеру. Послѣ кофе, явился русскій посолъ, графъ Штакельбергъ. Я видѣлъ его одну только минутку, но все-таки онъ мнѣ показался человѣкомъ ловкимъ, тонкимъ, много прожившимъ и знающимъ людей. Затѣмъ баронъ Гейкингъ предложилъ намъ прогуляться въ Саксонскомъ саду, очень красивомъ; мы съ Пюнсегюромъ согласились. Тамъ было много дамъ, очень красивыхъ, и въ томъ числѣ публичныя женщины, болѣе привлекательныя, чѣмъ въ другихъ странахъ. Съ одной изъ нихъ мы разговорились и она насъ очень позабавила.

Воскресенье, 23.

Въ полдень, всѣ мы, вмѣстѣ съ маркизомъ, представлялись королю, находившемуся тогда у обѣдни, въ дворцовой церкви, очень простенькой. Да и вообще весь дворецъ некрасивъ.

Есть въ немъ нѣсколько довольно большихъ залъ, какъ та, напримѣръ, въ которой развѣшены портреты всѣхъ польскихъ королей, затѣмъ—балльная или концертная, и наконецъ та, гдѣ мы ждали возвращенія короля изъ церкви. Народу было много; почти столько же, сколько бываетъ въ Ойльде-Бефъ, въ Версали. Когда король вернулся, то насъ пригласили въ софидную комнату, довольно большую, но темную, гдѣ мы и были представлены. Король стоялъ опершись на каминъ, онъ высокъ ростомъ, красиво сложенъ, обладаетъ прекрасными чертами и благороднымъ, полнымъ достоинства и доброты лицомъ. Онъ принялъ маркиза весьма милостиво, а нашъ посоль казался очень сконфуженнымъ и смотрѣлъ въ землю. Поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, Его Величество взглянулъ на насъ, какъ бы желая, чтобы насъ ему представили, но посоль этого не понялъ и уже вице-канцлеръ догадался исполнить желаніе короля. У Пюссегиора король спросилъ, не родственникъ ли онъ маршалу Пюссегиору, писавшему о военномъ искусствѣ, а у меня—не бретонецъ ли я (въ виду перваго слога моего имени).

Маркизь могъ бы воспользоваться этимъ, чтобы сказать, что я—его племянникъ и родственникъ министра иностранныхъ дѣлъ, сообщить о моемъ положеніи въ посольствѣ и мѣстѣ, которое занималъ мой отецъ. Но онъ ничего этого не сдѣлалъ, что меня, признаться сказать, очень обидѣло. Черезъ нѣсколько минутъ король со свитой удалился. Такое смѣшеніе французскихъ обычаевъ съ польскими довольно оригинально. Пышные мундиры, и при нихъ—длинные усы, бритая голова; намъ это не понравилось: точно два столѣтія соединены въ одно. Новыя моды, однакожь, берутъ верхъ надъ старыми; дамы и иностранцы предпочитаютъ французскій костюмъ, да и король тоже.

Вечеромъ мы ѣздили въ его загородный дворецъ, Лазенки, гдѣ онъ проводитъ все лѣто; очень красивое мѣсто. Домъ тамъ маленький и окруженъ водою, но сады очаровательны своей

безъ искусственности. Есть въ нихъ цвѣтники и много тѣни.

Понедѣльникъ, 24.

Мы съ Гейкингомъ говорили о политикѣ; онъ сказалъ, что много работаетъ подъ руководствомъ своего дяди, графа Сакена, министра иностранныхъ дѣлъ при электорѣ Саксонскомъ. А кстати Гейкингъ передалъ мнѣ слѣдующую записку, съ просьбой воспользоваться ею, когда представится случай:

Записка барона Гейкинга.

„Хотя принцъ Карлъ Саксонскій долженъ былъ уступить герцогство Курляндское отцу нынѣ царствующаго герцога *), но мой отецъ, дроссаръ (drossard) Гейкингъ, въ виду двойной присяги принцу Карлу, захотѣлъ остаться ему непоколебимо вѣрнымъ. Эта вѣрность была наказана конфискаціей его имущества и балъжей.

„Такъ какъ законы Курляндіи запрещаютъ конфискаціи такого рода, то мой отецъ жаловался королю и всей націи. Процессъ шелъ много лѣтъ, до тѣхъ поръ пока князь Репнинъ **), русскій посланникъ, тронутый несчастнымъ положеніемъ моего отца, не вступился за него и не убѣдилъ герцога Эрнеста-Иоганна дать ему въ вознагражденіе за убытки Виндавское дроссарство (drossarderie) и Нейгаузенскій балъжь.

„Будучи увѣренъ въ покровительство Ея Величества, Императрицы Всероссийской, мой отецъ вступилъ во владѣніе этими имѣніями, но здоровье его, подточенное горемъ, не выдержало и онъ скончался, только что пріѣхавъ въ Курляндію. Герцогъ Эрнестъ-Иоганнъ поэтому счелъ себя свободнымъ отъ обязательства и отнялъ у насъ имѣнія, лишивъ, такимъ образомъ, всего, чѣмъ мы были обязаны покровительству Ея Величества. Живя вдали отъ родины и будучи слишкомъ молодъ для того,

*) Вирона.

***) Николай Васильевичъ, будущій фельд-маршалъ, племянникъ Панина.

чтобы настаивать на своихъ справедливыхъ требованіяхъ, я вытерпѣлъ здѣсь все, что бѣдность заключаетъ въ себѣ: жажду, противопоставляя суровому юбу только безупречное поведеніе и прилежныя занятія науками. Достигнувъ теперь чина майора, командира атакельонамъ 1-го Литовскаго пѣхотнаго полка, я вижу, что получаемое мною скромное жалованье будетъ неостаточнымъ для удовлетворенія моихъ нуждъ, если царствующій герцогъ удостоитъ дать мнѣ нѣкоторую пенсію, въ видѣ ли скромной пенсіи на нѣсколько лѣтъ, или въ видѣ единовременнаго вспоможенія, или, наконецъ, въ видѣ какого-нибудь баллажа“.

„Его Превосходительству, маркизу де-Жюнье, было бы легко получить отъ графа Панина *) рекомендательное письмо на этотъ счетъ къ Его Высочеству, царствующему герцогу.“

Подписано: „Баронъ Гейкинъ, камергеръ и майоръ 1-го Литовскаго полка“.

Вечеромъ мы были въ оперѣ, а потомъ гуляли съ Гейкингомъ, причѣмъ говорили о масонствѣ. Завтра онъ уведетъ меня къ главѣ ложи „Истинной Дружбы“ который записалъ меня въ число ея членовъ.

Вторникъ, 25.

Вечеромъ король былъ съ визитомъ гр. Огинской. Онъ оставался съ полчаса, а потомъ мы съ великимъ княземъ были на свадьбѣ въ одной городской семьѣ. Было много народа. Религіозная церемонія происхо-

*) Никиты Ивановича, о которомъ де-Корбонъ, въ депешѣ своей къ де-Вержену, зывается такъ: «Графъ Панинъ—старѣйшій изъ министровъ этого двора. Онъ безсиленъ передъ фаворитами, какъ и всѣ прочіе; вліянія не имѣетъ никакого. Слестолубивый по натурѣ и лѣнивый по привычкѣ, онъ даже не заботится о томъ, чтобы имѣть вліяніе на ударыню». Еще раньше, Сабатье де-Кабръ писалъ о немъ въ 1772 г.: «Безпечность и глупость его невыразимы. Онъ проводитъ всю жизнь со льстецами и второстепенными курьезами. Дѣла, даже самыя важныя, лежатъ на немъ безъ движенія; мало образованъ и самъ своими напоминаетъ молодого, избалованнаго женщиною развратника».

дила въ залѣ, гдѣ былъ поставленъ временной алтарь. Я не замѣтилъ большой разницы съ процедурой венчанія у насъ, кромѣ того что здѣсь она нѣсколько короче. Послѣ венча, всѣмъ роднымъ, высокопоставленнымъ лицамъ и иностранцамъ роздали по цвѣтку изъ букета и по куску подвязки новобрачной. Я тоже получилъ свою долю. Затѣмъ былъ большой ужинъ, послѣ котораго новобрачную повели въ спальню, а въ залѣ начались тосты. Ихъ было безчисленное количество, но такъ какъ вино оказалось очень хорошимъ, то никто на это не жаловался, а въ томъ числѣ и я. Вернулись мы домой, чтобы тотчасъ же ѣхать далѣе, но такъ какъ Пюисегюру хотѣлось остаться, то онъ и подстроилъ препятствіе — лошади оказались не готовы. Поэтому намъ пришлось уступить просьбамъ графа и графини Огинскихъ и провести у нихъ еще одну ночь.

Отъ 26 до 29.

Утромъ въ среду у меня перебыло много народа: г. Фагонъ, французскій офицеръ на русской службѣ, пользующійся въ Польшѣ очень плохой славой; шевалье де-Сентъ-Круа, служившій у конфедератовъ, взятый въ плѣнъ, сосланный въ Сибирь и т. д.; г. Боно, неглупый малый, хотя немножко жеманный. Онъ семь лѣтъ былъ личнымъ секретаремъ примаса, раньше того путешествовалъ по Италіи, а теперь желалъ получить мѣсто секретаря посольства.

Всѣ эти прощальныя визиты предвѣщали нашъ скорый отъѣздъ и потому были мнѣ пріятны, такъ какъ я очень былъ недоволенъ своимъ представленіемъ королю и тѣмъ, что маркизъ совершенно не поручалъ мнѣ никакихъ дѣлъ. Я даже только случайно узналъ, что онъ писалъ о чемъ-то министру и что Розуа *) снималъ копии съ какихъ-то очень важныхъ бумагъ.

Выѣхали мы изъ Варшавы въ семь часовъ вечера, да потомъ еще долго провозились съ переправой на паро-

*) Второй секретарь.

мѣ черезъ Вислу, которая очень широка и быстра. Страна, по которой мы затѣмъ два дня ѣхали, оказалась болѣе красивой и богатой, чѣмъ по ту сторону Варшавы.

Въ восемь часовъ вечера, въ пятницу, мы прибыли въ Бѣлостоку, къ графинѣ Браницкой, вдовѣ великаго гетмана и сестрѣ короля Станислава Понятовскаго. Жюинье и Пюнсегюръ, ѣхавшіе въ англійской каретѣ, тотчасъ же отправились въ замокъ, причемъ Пюнсегюръ даже не успѣлъ перодѣться, такъ какъ маркизъ никого не предупредилъ о предстоящемъ визитѣ. Меня послали искать, но я не хотѣлъ являться къ графинѣ въ дорожномъ костюмѣ и тѣмъ далъ маркизу почувствовать его небрежность.

Суббота, 29.

Вставши утромъ, я наскоро одѣлся, чтобы пдти съ визитомъ въ замокъ. Дорогою осматривалъ городъ, который нашелъ очень красивымъ: широкія, прямыя улицы; крытыя черепицей, однообразныя домики съ мансардами; передъ каждымъ изъ нихъ—дворъ и троттуаръ. Дворецъ или замокъ гр. Браницкой великолѣпенъ; комнаты въ немъ огромныя и прекрасно меблированы. Вошли мы къ графинѣ вмѣстѣ съ маркизомъ Жюинье, который забылъ меня представить, такъ что я долженъ былъ представиться самъ. Графиня приняла меня прекрасно. Затѣмъ мы у ней обѣдали; за обѣдомъ присутствовала одна французенка, м-мъ Людье. Послѣ обѣда гуляли по саду, который хорошъ, но ничего необыкновеннаго собою не представляетъ.

Уѣхали мы въ семь часовъ вечера, обильно снабженные всякаго рода провизіей. Между прочимъ графиня велѣла намъ дать нѣчто вродѣ желѣзной корзины на палкѣ; въ эту корзину кладутся еловые или сосновыя лучинки и зажигаются ночью, вмѣсто фонаря. Мѣстные крестьяне освѣщаютъ такими лучинками свои дома.

Съ 30-го по 31-ое включительно.

Проѣхавъ ночью черезъ Куреницу и другіе городки, похожіе на тѣ, кото-

рыя встрѣчались намъ передъ Варшавой, въ одиннадцать часовъ утра приѣхали мы въ Гродно. Этотъ городъ когда-то, какъ мнѣ говорили, очень богатый, теперь точно разрушенъ неприятелемъ. Онъ уступами поднимается Нѣманомъ, который течетъ внизъ. У дома, занятаго маркизомъ, оказался почетный караулъ, присланный литовскимъ подскарбіемъ (trésorier), графомъ Тизенгаузомъ, который здѣсь командуетъ. Вскорѣ и самъ онъ явился пригласить насъ къ обѣду. Этотъ магнатъ очень красивъ, образованъ и обладаетъ живымъ воображеніемъ. Онъ насъ угостилъ очень обильнымъ, но плохимъ обѣдомъ; вино тоже было плохо. За обѣдомъ было много гостей, одѣтыхъ по польски, что производить довольно внушительное впечатлѣніе. Послѣ обѣда мы слушали домашній оркестръ хозяйна, очень хорошій. Были также пѣвцы и пѣли по итальянски. Всего интереснѣе то, что эти пѣвцы и музыканты суть рабы, которыхъ учили съ раннихъ лѣтъ и успѣли научить всему, что дается человѣку, не обладающему особой гениальностью. Затѣмъ хозяинъ, гордившійся своимъ хозяйствомъ, показавъ намъ устроенныя имъ фабрики различныхъ тканей, суконъ, бархата, парчи, кружевъ, а также экипажей разнаго рода. Во главѣ этихъ фабрикъ стоятъ три француза. Но я не думаю, чтобы эти фабрики оправдывали свое назначеніе и приносили какую-нибудь пользу: устроены они плохо, издержекъ требуютъ громадныхъ, доходъ приносятъ не большой, такъ что только однимъ чванствомъ можно объяснить ихъ существованіе. При осмотрѣ хозяйства гр. Тизенгауза, я не могъ не смѣяться надъ Розуа, который ежеминутно приходилъ въ восторгъ и сыпалъ техническими словами, за неимѣніемъ настоящихъ техническихъ знаній. Его всѣ называли „господиномъ секретаремъ“, что заставляло его пыжиться и пить какъ заправскій полякъ, вызывая этимъ похвалы со стороны послѣднихъ. Кончилось это, однакожъ, не очень красиво, такъ какъ пьяный Розуа поссорился съ Пюнсегюромъ, пославшимъ его къ чорту. А затѣмъ онъ поссорился и съ аббатомъ, такъ

что присутствующіе поляки говорили: „Однако г. секретарь не особенно въжливъ, для француза“.

Выѣхали мы изъ Гродно въ семь часовъ, на лошадяхъ Тизенгауза и съ его конюхомъ, что заставило маркиза ворчать, такъ какъ ему пришлось давать на водку, „ни за что ни про что“, какъ говорилъ маркизъ. Послѣдній и тутъ, впрочемъ, выгадалъ, такъ какъ заплатилъ меньше, чѣмъ стоила-бы почта. Согласно обычаю, мы ѣхали всѣ ночью, причемъ выдержали сильную грозу.

Съ 1-го по 7-е августа.

Обѣдали мы на фермѣ Тизенгауза, на берегу Нѣмана. Оттуда проѣхали черезъ Новогрудокъ, Корелице и Миръ. Страна довольно красивая; большія равнины, покрытыя прекрасными лѣвами. Несчастный Роза, благодаря которому мы ѣдемъ на Смоленскъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать прямо въ Петербургъ, чего мы хотѣли, подвергается теперь всеобщимъ насмѣшкамъ. Но за то онъ указываетъ за маркизомъ, которому это нравится. Въ Мирѣ у меня съ нимъ произошла стычка, кончившаяся любовнымъ предложеніемъ съ моей стороны попробовать моей палки. Не выѣшайся пасторъ, такъ онъ бы ее и попробовалъ.

Изъ Мира мы приѣхали въ Минскъ, гдѣ я встрѣтилъ очень хорошенящихъ дѣвушекъ, которыхъ очень смѣшилъ и которыя вознаградили меня за дорожную скуку. Изъ Минска я поѣхалъ въ одной кибиткѣ съ Пюнсегиромъ, который также, какъ и я, недоволенъ маркизомъ и прямо мнѣ это высказалъ. Дорогой сломалась у насъ ось, исправленіе которой задержало насъ на нѣсколько часовъ въ одной деревушкѣ. Ѣхавши затѣмъ день и ночь, мы 6-го числа прибыли въ Толочинъ (Tolotzin), первый русскій городъ со стороны Польши. Тутъ состоялся таможенный осмотръ болѣе поверхностный, чѣмъ мы ожидали. Надо замѣтить, что, въ виду этого ожиданія, мой лакей (Гарри, занимавшійся торговлей) просилъ меня принять на свой счетъ нѣкоторые товары, которые онъ везъ съ собою. Я безпрекословно согласился и взялъ

болѣе, чѣмъ на пять тысячъ ливровъ разныхъ вещей, но эта предосторожность оказалась ненужной—насъ почти не осматривали.

Замѣчу по этому поводу, что мы съ маркизомъ Жюнье держались различныхъ принциповъ въ отношеніяхъ къ прислугѣ. Маркизъ думалъ, что она не должна наживаться, пользуясь его положеніемъ, что конечно очень стѣсняло его лакеевъ. А я думалъ наоборотъ, что мы должны содѣйствовать ихъ обогащенію, насколько это совмѣстно съ порядочностью. Но мы не въ одномъ этомъ расходимся съ маркизомъ; чѣмъ болѣе я изучаю этого человѣка, тѣмъ менѣе его понимаю. Поведеніе его кажется мнѣ непоследовательнымъ. Онъ, напримѣръ, сочувствуетъ принципу свободы торговли и въ то же время одобряетъ таможенную систему и ввозныя пошлины. Въ Мирѣ мы, по этому поводу, вели споръ. Маркизъ не любитъ политическихъ споровъ. Мнѣ кажется, что онъ вообще о многомъ не имѣетъ собственнаго мнѣнія, а придерживается чужихъ, которыя часто противорѣчатъ его инстинктамъ. Его Превосходительство—человѣкъ довольно таки ограниченный.

Изъ Толочана, переправившись черезъ Днѣпръ, мы поѣхали далѣе. Страна здѣсь гораздо лучше той, которую мы только что покинули. Со всѣхъ сторонъ видны плодородныя и покрытыя всѣми родами хлѣбовъ пашни. Это—одна изъ лучшихъ провинцій Польши, потому то ее и отняли.

Вторникъ 8.

Въ Смоленскъ мы прибыли въ три часа пополудни, при громѣ пушекъ. Маркизу приготовлено помѣщеніе, у воротъ котораго выставленъ почетный караулъ по крайней мѣрѣ въ 45 человекъ. Губернаторъ тотчасъ же явился къ намъ съ визитомъ, который мы ему отдали. Маркизъ согласился здѣсь переночевать, но насъ положили спать на сѣнѣ съ червями. Начали мы съ плохого обѣда, окрашеннаго только хорошимъ аппетитомъ, а затѣмъ Комбсъ, Пюнсегиръ и я пошли осматривать городъ. Онъ представляетъ собою группу

деревянныхъ домиковъ съ садиками и окруженъ глубокимъ, сухимъ рвомъ, черезъ который проложенъ деревянный мостъ. Посрединѣ города находится огромная площадь, служащая мѣстомъ для прогулокъ. Съ этой площади мы пошли въ одну улицу, съ которой слышалась музыка, и когда остановились передъ тѣмъ домомъ, гдѣ она играла, то хозяинъ попросилъ насъ зайти и принять участіе въ танцахъ. Балъ былъ во всемъ разгарѣ. Я тамъ встрѣтилъ очень хорошенькую женщину, съ которой много говорилъ. Уходя я далъ себѣ слово разыскать ее зимою, въ Москвѣ или Петербургѣ.

Съ 9 по 12.

Изъ Смоленска мы выѣхали въ пять часовъ утра, тоже подъ громъ пушекъ—честь, которая оказывается обыкновенно посланъ, но не вредитъ и посланникамъ. Во всякомъ случаѣ она доказываетъ вѣжливость обывателей Смоленска и служитъ для насъ хорошимъ предзнаменованіемъ.

Три послѣдніе дня мы ѣхали не останавливаясь и ничего необыкновеннаго не произошло. Страна теперь опять стала похуже, много необработанныхъ земель, мало селеній и домовъ. Да и холодъ начинаетъ быть чувствительнымъ—видно, что мы двигаемся къ сѣверу.

Съ 12 по 26.

Въ Москву мы пріѣхали въ 10^{1/2} часовъ вечера, сдѣлавъ громадный кругъ по этому дьявольски—большому городу, который при лунномъ свѣтѣ, показался мнѣ чрезвычайно безобразнымъ. Сомнѣваюсь, чтобъ и днемъ онъ былъ красивѣе.

Приемъ, оказанный намъ г. Дюраномъ¹⁾, былъ болѣе чѣмъ холоденъ. Я полагаю, что Дюрану надоѣло ждать маркиза, а такъ какъ послѣдній я самъ не былъ ни любезенъ, ни разговорчивъ, то двумъ нашимъ министрамъ, черезъ четверть часа, не объ чемъ было

¹⁾ Французскій посоль. Дворъ и дипломатическій корпусъ были тогда въ Москвѣ.

больше и разговаривать. Хорошо, что ужинъ выручилъ ихъ изъ затрудненія и пришелъ на помощь нашему отчаянному голоду. По окончаніи ужина, заговорили о снѣ и мы съ Пюнсегюромъ были очень удивлены, узнавъ, что намъ отведено помѣщеніе верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ дома, занимаемаго начальствомъ Карета, однакожъ, была готова, и люди г. Дюрана проводили насъ въ какой-то не то кабакъ, не то вертепъ, въ которомъ не оказалось ни одной кровати. Нѣкій Дофинэ, содержатель этого трактира, далъ намъ изъ милости матрасы, на одномъ изъ которыхъ я и растянулся не раздѣваясь. Положимъ, я былъ привыченъ спать такимъ образомъ, но все же не ожидалъ отъ маркиза такой забывчивости. Было бы нѣсколько вѣжливѣе съ его стороны позаботиться о нашихъ нуждахъ или хотя предупредить насъ заранѣе. Въ этомъ и заключается настоящая вѣжливость, а не въ томъ, чтобы пропустить васъ первымъ въ дверь, что маркизъ постоянно дѣлаетъ. А когда заговоришь о кровати, то онъ весьма тонко замѣчаетъ, что „въ арміи еще хуже бываетъ“.

Съ пріѣзда сюда, у меня не было времени хорошенько анализировать различныхъ лицъ, съ которыми я познакомился. Первый изъ нихъ г. Дюранъ. Онъ мнѣ показался тонкимъ наблюдателемъ, съ перваго взгляда оцѣнивающимъ людей, и я сильно ошибаюсь, если онъ не успѣлъ уже оцѣнить нашего маркиза. Секретарь его, Мальво, не глупъ, и подъ холодной, вѣжливой внѣшностью скрываетъ слое тщеславіе и желаніе быть тонкимъ; но мнѣ не нравится фатовской оттѣнокъ всѣхъ его рѣчей. Онъ претендуетъ на званіе секретаря посольства, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. За обѣдомъ я видѣлъ нѣкоего князя Одоевского, который, какъ большинство русскихъ, отличается официальной вѣжливостью; въ сущности это пустой, фальшивый и не пользующійся уваженіемъ человекъ. Онъ—хозяинъ дома, въ которомъ живетъ Дюранъ и будетъ жить маркизъ де-Жюинье.

Приходилъ Ролэнъ, французъ, гу-

вернеръ пажей, хотя и не говорить по-русски. Это—добрый и забавный малый, игрокъ и болтунъ. Говорятъ, что онъ пріѣхалъ въ Россію искать мѣсто повара; проживъ тридцать лѣтъ, онъ, должно быть, умѣлъ себя вести и порядочно нажить: большого богатства не нажилъ, но пользуется достаткомъ и ведетъ пріятную жизнь.

Первымъ иностраннымъ посланникомъ, котораго я видѣлъ, былъ графъ Сольмсъ ¹⁾. Съ виду холодный и простодушный, онъ однакожъ очень хитеръ; за пятнадцать лѣтъ пребывания въ Россіи онъ научился русскому языку, что даетъ ему возможность выходить въ различные кружки. Онъ—кавалеръ прусскаго ордена Чернаго Орла и русскаго—Александра Невского.

Очаровательный человекъ, который не долго здѣсь останется, это великій гетманъ, графъ Браницкій ²⁾. Удивительно любезенъ; говоритъ о женщинахъ, о дѣлахъ, объ удовольствіяхъ, какъ настоящій французъ, и при томъ свѣтскій человекъ. Это одинъ изъ тѣхъ милыхъ прожигателей жизни (goués), которыхъ всѣ такъ любятъ! Графъ Браницкій пріѣхалъ сюда по дѣламъ ³⁾ и я увѣренъ, что онъ ихъ успѣшно кончитъ: такіе люди какъ будто созданы для этой страны.

Общественныхъ развлеченій въ Москвѣ немного. Есть комическая опера, не особенно важная, хотя театральныи залъ хорошъ. Я тамъ видѣлъ *Юлію*, сыгранную довольно плохо. Есть талантливый актеръ, по имени Дюгэ, также какъ и актриса м-мъ Дефуа, съ которой онъ живетъ. Прежде они играли въ Брюсселѣ. А помимо ихъ двухъ, талантливыхъ актеровъ мало. Тоже можно сказать и о м-ше Pincemaille, которая, однакоже, высока, молода и красива.

На другой или на третій день было гулянья въ Вокзалѣ, на которомъ я

присутствовалъ. Вокзалъ, это большой садъ, принадлежащій какому-то магнату и отдаваемый имъ внаймы антрепренеру гуляній. Садъ кончается ирудомъ, около котораго играетъ музыка. Кромѣ того въ отдѣльныхъ боскетахъ помѣщены маленькіе оркестры, изъ коихъ одинъ состоялъ изъ духовыхъ инструментовъ, дающихъ только одинъ тонъ. Выходить нѣчто въ родѣ плохого органа, напоминающаго музыку савойяровъ на парижскихъ улицахъ. По вечерамъ садъ освѣщался фонариками, а въ большомъ залѣ танцуютъ и играютъ въ карты. Входъ стоитъ рубль и гулянье продолжается до двухъ часовъ ночи.

Познакомился я съ графомъ Лясси, испанскимъ посланникомъ, человекомъ очень умнымъ и обладающимъ благородной осанкой. Въ воскресенье я у него обѣдалъ, а послѣ обѣда мы смотрѣли ученье гусарскаго полка, состоящаго подъ командой Потемкина Лощади въ этомъ полку всѣ съ Украины, маленькія, но сильныя и быстрыя. Въ общемъ полкъ продѣлывалъ маневры хорошо.

Есть здѣсь нѣкто шевалье де-Порталісъ, провансалець; онъ ко мнѣ заходилъ, но не засталъ дома. Не знаю, кто это такой.

Мелочность маркиза де-Ж. все растеть и растеть. Даже въ разговорахъ она проглядываетъ, и такъ какъ онъ скрывать ничего не умѣетъ, то всѣ видятъ его недостатки. Мнѣ и Пюсегюру онъ не даетъ ни мебели, ни постелей. Правда онъ не обязанъ дѣлать это, но вѣдь нужно же быть вѣжливымъ. Что касается меня, то посмотримъ, какія условія онъ мнѣ предложитъ. Кстати онъ нашелъ средство уменьшить расходы—каретный ящикъ будетъ служить намъ для хранения шифра. Одной шкатулкой меньше, и маркизъ въ восторгѣ! Я помню, что онъ какъ-то разъ высказалъ, въ видѣ общаго правила, что „въ хозяйствѣ нѣтъ пустяковъ“. Къ несчастію, это правило давно извѣстно. Я былъ очень удивленъ, когда Мальво мнѣ сказалъ, что маркизу не повезетъ въ этой странѣ, что здѣсь уже знаютъ о промахахъ, сдѣланныхъ имъ въ Польшѣ, о

¹⁾ Прусскій посланникъ.

²⁾ Францискъ-Ксаверій, впоследствии женившійся на племянницѣ Потемкина, Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, и окончательно продавшійся Россіи.

³⁾ Просить отозванія русскаго посла въ Варшавѣ. Штапельберга.

нашемъ представленіи королю и о поведеніи маркиза въ разговорѣ съ послѣднимъ. Я былъ удивленъ, откуда они знаютъ такія подробности, но оказалось очень просто: въ одномъ здѣшнемъ домѣ, должно быть у графа Браницкаго или у князя Адама Чарторижскаго, за обѣдомъ кто-то разсказалъ, что Штакельбергъ видѣлъ въ Варшавѣ французскаго посланника, и что это „человѣкъ невѣжественный, однимъ словомъ дуракъ“. Вотъ какъ оцѣнили человѣка еще до его прибытія; измѣнится ли эта оцѣнка теперь?

Вотъ уже нѣсколько дней какъ насъ съ Пюнсегуромъ помѣстили рядомъ съ посольствомъ, въ трехъ комнаткахъ, которыя маркизъ нанялъ для насъ до отъѣзда г. Дюрана. У меня было на этой квартирѣ довольно забавное приключеніе. По одной со мною лѣстницѣ жила тамъ хорошенькая молодая женщина, знакомая домовладѣльца. Я сталъ ее преслѣдовать, когда она поднималась или спускалась по лѣстницѣ, но такъ какъ мы говорили на разныхъ языкахъ и другъ друга не понимали, то столкнуться было довольно трудно. Глаза ея, однакожь, доказывали, что она меня понимаетъ. Вслѣдствіе этого, я однажды попробовалъ пожать ея ручку, а потомъ, видя, что могу объяснить только жестами, сталъ ихъ разнообразить. Приходилось, однакожь, быть осторожнымъ, чтобы не погубить всего дѣла, такъ какъ мы были окружены аргусами. Образецъ моихъ дѣйствій, очевидно, понравился моей собесѣдкѣ. При слѣдующей встрѣчѣ я уже поцѣловалъ ее довольно выразительно; она отнеслась къ этому, какъ настоящая французка, почему я и послѣдовалъ за нею въ ея комнату. Тамъ, конечно, начались новыя объятія, но дальше я идти не посмѣлъ, боясь, чтобы насъ не захватили. Пришлось изъ благоразумія разстаться. Я уже думалъ, что на этотъ день ничего не предстоитъ новаго, и вечеромъ, раздѣваясь, сталъ придумывать планъ на завтрашній день, какъ вдругъ слышу, что кто-то босыми ногами спускается съ лѣстницы, отворяю дверь и вижу мою собесѣдницу... Это приключеніе продолжалось два дня, а затѣмъ моя

нимфа уѣхала въ деревню, оставивъ меня вдовцомъ, не знающимъ даже кто она такая. Впослѣдствіи, я узналъ, что это была жена какого-то офицера.

Суббота, 26.

Маркизъ былъ представленъ Императрицѣ въ ея кабинетѣ, а насъ она въ этотъ день принять не захотѣла. Послѣ обѣда Пюнсегуръ, Комбсъ и я были въ Воспитательномъ Домѣ. Царствующій тамъ порядокъ, выкармливаніе дѣтей и проч. доставили мнѣ большое удовольствіе. Думаю осмотрѣть это учрежденіе подробно.

Воскресенье, 27.

Маркизъ далъ мнѣ прошифровать депешу, послѣднюю отъ имени г. Дюрана; она датирована 28 числомъ.

Вечеромъ я гулялъ въ городскомъ саду; онъ недуренъ. Единственная аллея, по которой гуляютъ, не широка; налѣво отъ нея — прудъ, къ которому спускаются по лѣстницѣ. Нижняя часть сада устроена на англійскій манеръ, что дѣлаетъ ее разнообразной и красивой. Все время прогулки было у меня занято разговоромъ съ шевалье де-Порталисъ; онъ ожидалъ, что графъ де-Верженъ *) напишетъ объ немъ маркизу. Я узналъ, наконецъ, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Сначала онъ служилъ подпоручикомъ въ Турэнскомъ полку и вышелъ оттуда, надѣясь получить роту въ одномъ изъ колониальныхъ полковъ, что ему было обещано. Между тѣмъ имущественныя дѣла заставили его отправиться на Мартинику или въ Санъ-Доминго, а по возвращеніи оттуда въ 1774 г. онъ уже опоздалъ получить назначеніе, да кстатіи еще влюбился въ жену Ивана Чернышева, за которой и послѣдовалъ въ Россію. Проживъ здѣсь пять недѣль и не имѣя рекомендательнаго письма къ Дюрану, онъ былъ у послѣдняго только одинъ разъ

*) Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ.